

БУКОВИНА И ГАЛИЧИНА

Елизавета Ивановна де Витте
(1833 или 1834 - после 1915)

Среди забытых или малоизвестных имен писателей русской давности есть и имя Елизаветы Ивановны де Витте, написавшей столько книг, что перечисление их займет целую страницу.

Но сейчас нам особо интересна одна книга, знаменитая в свое время: "Буковина и Галичина", напечатанная в Киеве в 1904 г. и переизданная в 1977 г. стараниями Карпатурского Литературного Общества США на средства известного мецената карпатурского Петра Гардога. Наша им благодарность.

По традиции, несколько слов о забытом авторе забытой книги.

Родилась Елизавета Аммосова в семье коллежского асессора в 1833 или 1834 г., закончила Смольный Институт, вышла замуж за командира гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады Михаила де Витте (1828-1867), стала матерью троих детей, которых, к несчастью, всех пережила.

Она сочетала в себе редкие таланты: педагога, путешественника, публициста, писателя. Печаталась во многих газетах: к примеру, "Заря", "Русь", "Русское дело". В 1875-1898 гг она - директор Тифлисской, затем Ковенской гимназий. Об этом периоде своей жизни и работы она напишет отдельную книгу: "Из воспоминаний начальницы женской гимназии" (1908). Опубликовала также свой перевод "Слова о Полку Игореве" (1889).

В начале 20-го века Елизавета Ивановна предпринимает несколько поездок по славянским странам и издаст книги, посвященные своим путевым впечатлениям, размышлениям и соображениям по поводу увиденного и услышанного от местного населения.

Буковина и Галичина, входившие когда-то в состав распавшегося древнего русского государства, оставались населенными русскими, сохранявшими свою родовую память, культуру, язык. Но за свою русскость жителям этих краев приходилось платить слишком высокую цену: полугодное и нищенское существование, уничтожение национальной идентичности, ощущение себя рабами.

Недавно один мой знакомый Николай Руснак - потомок галичан - написал мне печальное повествование о жизни своих предков и своей жены Марии. То же время, что и в книге Елизаветы де Витте. Передаю слово в слово, знак в знак.

"Бабушки и дедушки Марии (по матери) все были родом из Бучачского района. Все родственники (по ее матери) были малоземельными крестьянами и простыми не умев ни читать ни писать и без исторической памяти - к сожалению даже без устной традиции - впоследствии некоторые даже не вспоминали "мазуры или руски ли мы?" Они такими угнетенными были, что выражались, что мы "балакаем по-руски!" Панщина и католический костел их так унижали, что духа не существовало. Они выжили - бараболя (картошка) и капуста самые важные вещи. У одной из моих прабабок тоже так - тоже родом из га-

лицкого Подолья, тоже та панщина, тот костел и тое выживание без духа! Та же бараболя и капуста! Пан крестьянам запрещал палочки собирать в лесу, отапливали свои хаты соломой! За Австрии их положение не было лучше чем за панской Польши. Такие подвижники как Онуфрий Гецев были героями, но когда люди без устной традиции то герои забываются. Сколько таких подвижников как Гецев в забвении? Теперешние люди опять без устной традиции без предания. Галицкое Подолье не мало терпело от панов, их арендаторов и католического костела и в конце концов еще Талергоф. Междоувоенная Польша, фашисты, советы, националисты и экстремисты добавили и добавляют свою отраву".

Многоуровневые замыслы и цель власти заключались, если коротко, в уничтожении самого понятия - русскость. Есть цель - есть средства. А посему повсеместное онемечивание, ополячивание, мадьяризация: русские не должны быть как таковых. И еще одно из средств, чуть ли не самое действенное и страшное: уничтожение языка. А потому: русских здесь нет, а есть четыре миллиона вот кого: руги=русины=рутены=руснаки=оросы. Слово русский - с глубинным смыслом, а страна Россия рядом, язык - тот же... Школ для русских детей нет и не будет, редкие русские подвижники - несерьезная локальная угроза для государственной мощи махины, умрут, забудутся. И забывались... А еще русских называли москалями, русофилами, что было гораздо опаснее: служишь Москве, получаешь деньги оттуда, значит, против Австрии. Образ врага создан, ярлык повешен, враг определен, преследования неизбежны.

И что воистину удивительно: до сегодняшнего дня сохраняют и употребляют эти вброшенные в обиход безграмотные застарелые термины. Что не то? А то, что русский человек не может быть русофилом, он уроденный русский по происхождению, культуре, языку, ПО РОДУ. Японец может быть русофилом, русский - нет.

Запланированное физическое истребление русского этноса в Австро-Венгрии настанет позже - в 1914 г., сразу после начала Первой мировой войны, когда русских жителей империи принимают убивать прямо на улицах, а для более полного достижения намеченной цели создаются ПЕРВЫЕ в Европе концетрационные лагеря смерти для русских подданных просвещенной Австро-Венгрии. Погибших русских в лагерях Талергофа, Терезины и других насчитывалось более 100 тысяч.

Протицируем высказывание жителя Галичины крестьянина Ильи Батицкого, с которым повстречалась Елизавета де Витте по время своего посещения того края: "Та нас не баламутить то, чи то есть Русь Галицкая, Угорская, Червонная, Беляя, Малая и Великая, бо то нь есть що иного, якъ лишь одна Русь. У поляковъ, що жиють въ Австрii, Неметчине, Россиi, Америке, нема Польши австрiйской, немецкой, російской, американской, только для нихъ всехъ есть одна Польша, и они все зовуть себя поляками, хотя бы на конци света сидели."

Приведем еще несколько отрывков из книги Елизаветы де Витте "Буковина и Галичина", совершив виртуальное путешествие в ушедший мир, примем участие в событиях 113-летней давности, которые вполне могут показаться похожими на сегодняшние. Помыслим...

Наталья Гаттас

БУКОВИНА

Русское народонаселение Буковины по говору, характеру, одежде и обычаям подразделяется на три группы: 1. подольян, или жителей равнин, 2. гуцулов - жителей гор и 3. филиппован - великоросов-старобрядцев.

Подольяне и филиппованы лицом белы, глаза и волосы светлые или несколько темноватые. Гуцулы смуглы, глаза и волосы черные или очень темные. Подольяне низки ростом, гуцулы высоки и стройны, филиппованы - толсты. Характер подольян и гуцулов мягкий, у филиппован - твердый. Но все они добродушны, дружелюбны, гостеприимны, трудолюбивы, честны и религиозны. Подольяне отличаются деликатностью в речи, никогда не скажут грубого слова. О гуцулах еще речь впереди, т.к. они населяют также горы Галичины...

Ко времени захвата Буковины Австрией во всем крае было всего 200 еврейских семей, из этого общего числа в Черновцах их было всего четыре семьи; в крае не жило ни одного немца и поляка, кроме нескольких греков и армян; остальное население составляли русские в северной части и румыны в южной... По занятии Австрией этого края некоторые из прибывших в край чиновников-немцев, ознакомившись с местными отношениями, обратили внимание правительства на местных русских, как на элемент более пригодный для государственных целей. "Русские в Буковине", говорится в одном из официальных докладов, "не так хитры как румыны; они трудолюбивы и хорошие земледельцы..."

Правительство стало вызывать в новоприобретенный край инородческий элемент: немцев, мадьяров, евреев, а в 1860 г. в Австрии были изданы в пользу евреев постановления, признававшие за ними права приобретать, с некоторыми ограничениями, всякого рода недвижимое имущество, а именно: всякий еврей, окончивший низшую гимназию, низшее реальное училище, торговую или земледельческую школу, или получивший чин офицера в армии, мог покупать такое угодно поместье. Без этих условий евреи могли покупать лишь недвижимое: дома в местечках и городах и хозяйственные заведения в деревнях и т.п. Таким образом положено было начало еврейскому помещицеству сословию в Буковине и Галичине. Зажиточные буковинские и галицкие евреи стали отдавать своих сыновей в среднеучебные заведения или определять в военную службу; и в сорок лет край стал еврейским; большинство земель перешло в их руки, руссаго помещика в крае нет уже ни одного. Богатейшие леса, которыми изобилует край, перешли к евреям; это делалось так: напоив крестьянина, жид покупал у него за безценку лес; оказывается теперь, что миллионной стоимости леса приобретались за несколько десятков тысяч евреями, которые при этом утверждали, что они этим облагодетельствовали крестьян: "последние-де не умели использовать свои леса, а теперь они имеют заработок у новых владельцев, у них, евреев." Таким же образом переходят к евреям и пахотные земли...

Нужно заметить, что буковинский народ никогда не был в рабстве, он искони был свободен и не знал закрепощения. Теперь же, благодаря правам евреев, дарованных им конституцией, крестьянин потерял свою свободу экономическую и гражданскую; он стал рабом полноправного еврея, который не только отобрал у него все, даже в судах, переполненных евреями, судьба русского крестьянина всецело в их руках. Конституционная свобода в Буковине и Галичине не существует для русского народа. Правда, народ свободен собираться на вече, но эта свобода фиктивная, ибо австрийское правительство никогда не допустит до осуществления вечевых постановлений. Говорить может русский народ, но и только.

Правительство все внимание свое обратило на народную школу, как орудие денационализации и

деморализации народа. Учителями назначаются элементы самые негодные, выгнанные из гимназии за неуспехи и дурное поведение и примкнувшие к антинародной партии сепаратистов...

Хотя основной закон признает свободу печати, но на основании других, также законных, постановлений, каждое печатное произведение может быть конфисковано, причем, в случае процесса перед судом привлекаются автор, редактор и управляющий типографией. В старорусских изданиях никогда не было ничего противогосударственного, но таковыя конфисковывались за одно отождествление слова "русский" и "российский", и указание на национальное единство всей Руси. Это задерживает развитие исторической науки. Но в последнее время цензура стала благоразумнее и за провозглашение исторической правды не подвергает русских печатных изданий конфискации...

В первый день нашего приезда в Черновцы мы застали у редактора одной из местных русских газет двух членов депутации от народных веч, прибывших в Черновцы для подачи петиции президенту края... В петиции, поданной президенту-немцу, народ заявляет, что он "русский", а не "рутенский", как называют его австрийское правительство и поляки.

Происхождение слова "рутеный" таково: до перехода под власть Австрии русский народ в Галичине называл себя в единств. числе "русином", во множ. "россиянами". Древне-галицкий народ называл себя "русичами" (Слово о Полку Игореве). Это наименование, несомненно, самое правильное, и жаль, что в настоящее время оно забыто галичанами. Немецкие ученые и литераторы стали называть русских, подчиненных Австрии, Reussen или Russen. Но вскоре утвердилось за ними название Ruthenen. Основание этому термину дали папская булла и грамоты, выдававшиеся по делам униатов. В них всегда русские, соединенные с римскою церковью, назывались полатами Rutheni, и это название до того привилось у униатской иерархии, что она даже в своих немецких письмах к австрийскому правительству постоянно употребляла этот латинский термин. Австрийское правительство, стремясь германизировать своих подданных и противясь развитию в них национального самосознания воспользовалось впоследствии этим термином. Приобретенные Австрией "рутены" должны были прежде всего сознавать себя униатами, а не принадлежателями к какой-нибудь народности. Но впоследствии по "политическим соображениям", слово "рутены" стало обозначать особенную народность, отличную от великорусской, и это название распространилось и на русское население Буковины... Вот это-то и побудило вождей народа, патриотов, стать во главе движения, стремящегося укрепить самосознание народное. Отсюда и решение: "Отныне мы будем называться русскими!"

ГАЛИЧИНА

Русские, живущие на всем хлебородном пространстве Галичины и занимающиеся преимущественно земледелием, не имеют особенного названия; только жителей в окрестностях Тернополя и Чертокова зовут подольяками; зато жители гор в разных местах Карпат представляют различные типы и имеют различные названия. Все русские земледельцы, от русской восточной границы до Сяна и за ним, сходны между собой и наречием, и одеждою, и обычаями; но между жителями гор, лемками и бойками, живущими в самом близком соседстве, есть большая разница в наречии, телосложении, одежде, нравах и обычаях, а еще больше различаются лемки и гуцулы.

Наречие лемков - русское, сударением лишь на предпоследнем слове, как в польском языке. Все они крепко придерживаются своей народности и восточного униатского вероисповедания. Только в приходах, заселенных лемками, встречается такое явление, что даже в самых больших деревнях нет ни одного латинника, в остальной Галичине это редко бывает. Как все жители гор, они очень благочестивы; но есть у них и много суеверий разного рода. Обычаи лемков сходны с обычаями других жителей Галичины с местными однако различиями. Все свои работы и обряды они сопровождают песнями, которых множество. Песни эти - чисто русския.

Это замечательное племя, живущее на самых рубежах Русской земли, отличается прекрасными свойствами. В своих пустых и бесплодных горах, куда мало заходит чужого, оно сохранило древнюю простоту народных и религиозных обычаев. Среди лемков встречается мало евреев, потому и мало деморализации; редко слышно о воре и мошеннике; только пьянство, этот рак, точащий здоровье тела Галицкой Руси; хотя и не в такой степени, как в других странах, оно хищит свои жертвы и среди лемков.

Горные соседи их бойки. Они живут в части Саноцких гор и в Стрейских горах и различаются от лемков не только одеждою и наречием чисто русским, но также и нравами. "Бойко" - это человек пылкого характера, от слова "бойкий" (бить), любящий драться и на войне мужественный солдат. Полки из бойков обыкновенно отправляются австрийскими генералами в первый огонь и бывают часто совершенно истребляемы, как это случилось в 1848 г., когда из всего полка Гартмана осталось лишь несколько человек. В горах своих бойки занимаются скотоводством и отчасти деревянными изделиями. Их можно видеть во Львове, торгующими орехами, сливами, виноградом и каштанами; все это они привозят из Угорщины верхом, в боченках, привязанных по обеим сторонам лошади.

Далее на восток и юг, в живописных горах, живут гуцулы, русские чернорогцы, краса и поэзия Галицкой Руси. Отсюда расходится по всем сторонам неисчерпаемое богатство песен в природной древней их красоте, под именем "колосеек", откуда мелодия и танец "колосейка", которого не может галицкий русин ни слышать, ни видеть равнодушно и который увлекает его волшебною силою.

Гуцулы и гуцулки беспрестанно поют песни, а от них и другие жители Галичины перенимают "колосейки", коих можно набрать несколько толстых томов. Кроме колосеек, гуцул слагает песни и на всякие исторические события...

Едва вы вступаете в этот край, где в продолжении четырех веков владычества польской шляхты шла борьба православия с латинством, русской народности с польскою, и где теперь опять властвует поляк, но уже при благосклонном содействии австрийского правительства, вы слышите стоны русского народа под гнетом религиозным, экономическим, политическим и национальным. Кто у нас в России не слышал об угнетении русского народа в Галичине? Впрочем, что я говорю: "кто не слышал?" В действительности, слышал только тот, кто хотел слышать, а хотели очень немногие, те, именно, у которых не погасло русское самосознание, большинство же склонно было, вслед за "прямодушным и человеколюбивым" западом повторять избитую фразу: "бедные поляки!" Но никому из этих сердобольных русских не приходило в голову хотя раз произнести: "бедные русские галичане!" Нам невольно кажется уместным сравнение поляков с теми ворами и убийцами, которые, совершив преступление, бегут по улице с криком: "ловите вора! ловите убийцу!" и, таким образом, уходят от

преследования. И запад, и наши сердобольцы слышат поляков, которые на весь мир кричат об угнетении их русскими, и никогда не давали себе труда познакомиться ни с историей владычества Польши в Западной и Галицкой Руси, ни с теперешним их хозяйничанием в Галичине. Да, поляк кричит во всю мочь на весь мир, что его бьют, и за его назойливым криком никто не слышит не только криков, но даже стонов целого народа, имеющего счастье быть во власти их...

Так как во всем мире, за редким исключением, одна национальность старается распространиться и усилиться за счет другой, особенно, если ей не ставят в этом преград, то в Галичине весьма естественно поляки не могли не воспользоваться своими преимуществами в ущербе русской народности, что вполне согласно с характером поляков, вечно кричащих о свободе и вольностях (конечно, исключительно шляхетско-польских) и никогда не уважающих права других народностей, исключая еврейской, которая помогает им угнетать слабых...

Русское население составляют крестьяне, духовенство, мелкий чиновничий класс, врачи, адвокаты и пр. Торговый класс и мещанство составляют преимущественно евреи; крупное землевладение находится в руках поляков и евреев; русских помещиков вовсе нет.

Но все это были только цветочки, или только почки, а ягодки ждалися впереди; они созрели к 18-му веку, когда польские паны сдавали православные храмы в аренду жидам, когда они потешались, стреляя в детей православных, травя собаками православных священников, сбрасывая последних с колоколен, впрягая "шестерку" девушек в тяжелую бричку и пр...

Постановка школьного дела в Галичине вызывает постоянные жалобы со стороны русских; краевым законом от 22 июня 1867 года было постановлено, чтобы в каждой народной школе, в которой часть учащихся употребляет русский язык, часть же польский, был обязательным предметом изучения тот язык, который не служит преподавательным языком. На основании этого закона русские школы полонизированы... Школьная власть настаивает на том, чтобы в такой школе вся молодежь владела польским языком, и по этой причине учителя принуждены уделять большую часть учебного времени на изучение польского языка...

Таким образом, русская народная школа осталась только на бумаге. В результате такого порядка вещей получается то, что грамотные крестьяне и крестьянки в восточной Галичине пишут на исковерканном польском языке, а по-русски не умеют.

Против русского литературного языка начался крестовый поход. Воспитанникам Львовской духовной семинарии воспрещено обучаться ему. Они должны были пробавляться простонародным языком. У учеников стали отнимать книжки, писанные на литературном языке. Общество студентов "Буковина" в Черновцах и "Академический кружок" во Львове были закрыты за употребление русской литературной речи. Правительственные и автономические ведомости стали возвращать бумаги, писанные по-русски, под предлогом, что они составлены не на чистом русском языке (т.е. не на простонародном наречии). Вследствие этого, многие лица в Галичине перестали переписываться с властями по-русски.

Страдания русского народа Галичины за веру, язык и народность приводят к тому, что из недр этого многострадального народа начинают выступать замечательные патриоты-интеллигенты, не только мужчины, но и женщины...

Таким образом, мы видим в Галичине движение среди всех слоев галичско-русского народа на защиту веры, языка и народности, даже в защиту своей азбуки. И мы твердо верим, что народ, который не хочет умереть, не умрет!

Моей семье, разбитой пихолетьем

Моя бабушка подарила мне золотое кольцо с большим топазом и тихо сказала: "Девочка моя. Возьми кольцо, храни его, вспоминай меня, но не носи. А трудно будет - продай. Теперь уж можно..."

Взяла кольцо я, всмотрелась в камня глубину, задумалась. Старинное кольцо, чудесная работа, почему нельзя носить? К родной своей любимой: "Бабулечка моя! Я так люблю твои миленькие ручки, что все еще исполнены и грацией и красотой. Скажи мне, почему кольца не носишь ты?" Помолчала бабушка, отвернулась. Я тихо ждала. Она была далеко... И издали донесся до меня отрезанный голос: "Ах, милая моя девочка! Не тревожь тени ушедших. Ни к чему теперь ни память, ни кольцо. И даже день сегодняшний - все на пути к забвенью для меня. Ничто уж не изменишь, хорошо ли, плохо ли... Так надо или иначе? Никто не знает. И не знал. В преддверьи вечности мне все равно уже." Опять даль, ветерок из прошлого легкий, не сквозняк, но повело: возвращались воспоминания... "Прошу тебя, скажи, что за история с кольцом?" Ах, и хочется прошлому к нам в сегодня, и не хочется покидать привычную обитель забыть, где болит память... И поведала мне бабушка свою сокровенную, так долго хранимую быть, извлеченную из тумана памяти...

Давным-давно я хороша была, поклонников хватало, но лишь один смог пробудить во мне дремавшую мечту о том единственном, что и не всем даруется. Как часто этот дар обходит жаждущих его. Лишь он один с небесными глазами, волосами пшеницы спелой и ангельской душой смог пробудить меня от сна, и поняла я: мечты сбываются, хоть и не часто, но моя сбывалась. Я знала: навсегда... Такое счастье - я тоже оказалась его мечтой. Так и сказал: ты - моя Женщина-Мечта...

И в день помолвки нашей подарил он мне шкатулочку, а в ней - фата на свадьбу, тончайшая работа. Он ту шкатулочку ключом замкнул и мне отдал, а ключ к шкатулке привязал. Сказал: "Открой ее вместе перед свадьбой нашей в октябре, одна не открывай..."

А через месяц - в августе - царь объявил войну. Мой обожаемый с семьей простился, потом со мной, поцеловал мне руку и сказал: "Возьми кольцо - подарок мой тебе. Носи и помни: им судьба моя с тобой связана - оно заговоренное. Не потеряй кольцо - и я вернусь к тебе. А если потеряешь - мы больше не увидимся." Он вытер мои слезы и надел на палец мое кольцо с топазом, что заказал у ювелира для нашей свадьбы - мой любимый камень.

Он в артиллерии служил, писал мне с фронта, я отвечала, ждала, надеялась. Я им жила минуту каждую. Он был всегда со мной, он был в моей крови. Нет, он не был моею половиной, как люди говорят: она - моя половина, а он - моя. Никто из нас не мог быть лишь половиной, а только целым, а вдвоем мы были как отражение друг друга, как продолжение один другого, никак не половина. Одно богатое созданье для другого - такого же богатого. Он постоянно был со мной, как я была с собой. А я же - с ним. Вся - в нем, а он - во мне во всей и весь. И я носила кольцо с топазом не снимая.

Мы помогали фронту, как могли: одежду шили теплую, носки, шарфы вязали, лекарства собирали, бинты и отсылали в армию бойцам.

Прошло три года... Три года войны и переписки. А потом...потом... Кошмар! Даже сейчас мне страшно вспоминать: чернота войны сменялась черной кровавой революцией, что навязали нам. Убийства, голод, пожары, грабежи и озверелость... Гражданская война, да не гражданская она была, а истребительной народа нашего, то красный дьявольский террор проклятой чужеродной власти, что мучает Россию по сей пору. Тихий ужас!

Отец мой от тифа умер в девятнадцатом... И в тот же год нас с мамой и старшим братом власти выгнали из дома, что мой дед построил в центре города: Александровская улица, Октябрьская - ныне. Мать погрузила на подводу кой-какие вещи, нас - и мы покинули родной любимый город наш Георгиевск на Северном Кавказе. Нам домом стал прелестный Пятигорск, воспетый лермонтовским гением в ушедшем веке...

А время шло неутомимо, то тянулось, то стремительно летело. Уже два года от милого не получила писем. Я спрашивала всех, кого могла, писала всем - никто не знал, никто не отвечал...

Я заболела тифом, и мама отвезла меня в больницу... Я бредила и при смерти была, но благодаренье Небу - переборола тиф. Дома кольцо хватилась, но не нашла его. Перевернула все вверх дном - кольцо пропало... Я испугалась, и что-то подсказало мне: никогда, вовеки, ни за что на свете я не увижусь с ним, Мечта моя ко мне не возвратится. Конец.

Беда лишь умножалась: заразилась тифом мама. И вечером однажды мой брат, вернувшись из больницы, обнял меня, поцеловал, заплакал и сказал, что мама наша умерла. Так мы осиротели... Разбирая ее вещи, я обнаружила шкатулочку мою. Какое счастье! Хоть она осталась на память мне - подарок от него...

Потянулась жизнь черная, исполненная лжи, обмана, тупости и страха. Крикливые и лживые, кровавые и подлые, убийцы и подонки, коммунистическая рвань сдавили горло всей стране.

А годы шли... Мой брат пропал без вести в сорок втором, а твоя мать, чужая сирота, что я удочерила после войны, выросла и замуж вышла за твоего отца. А я работала, но не жила. То была не я...

Так жизнь моя прошла - и никаких вестей от ненаглядного или семьи его... Однако вопреки Судьбе я все ждала, несокрушимо зная, что Мечта

моя предать не может, волнами накрывало меня видение его: вот он идет ко мне, вот пишет, помнит непрерывно, я в душе его, как он - в моей. И тихий голос шептал неясные и робкие слова о нем... Да, но кольцо! Заговоренное... Его ведь не было, так значит, мне голос просто чудился? Нет, голос говорил мне... Что? Я не могла понять или поверить, однако и забыть была не в силах. Мой чаровник по-прежнему в крови моей все время жил, все эти годы. Неужели он где-то... жив... забыть меня не может... жив? Ведь столько людей пропало и погибло, сгинуло безследно в то время страшное и гиблое, в те проклятые годы...

Однажды в годовщину нашей свадьбы, которой не было, я вдруг решила шкатулочку открыть и посмотреть фату, что помнила прикосновенье рук его, прижать ее к губам, заплакать и позвать

любимого всю жизнь, с Мечтой соприкоснуться, убедиться: Мечта жива. Я осторожно повернула ключ, взяла фату - и тут мне на колени кольцо упало. Боже мой! Какое счастье! Видно, мама сняла кольцо, когда я заболела, в шкатулку положила, но не успела мне сказать...

Я залилась слезами от удивления, благодарности, но и тоски по счастью, что обошло меня, Мечту мою, семью, всех русских, погибших во тьме кровавых лет, сейчас уже почти забытых. И я перенеслась в то время, в ту память, в счастье... Что ж медлю я? Что жду еще? Я вдруг вскопала, быстро собралась, схватила деньги и побежала. Скорей! Туда! Вперед, то есть - назад! Назад - в год счастья моего! В тот парк, где получила я кольцо! Назад! Назад!

Я прибежала в кассу. Скорей, скорей! Билет в Минводы. Да, да, один. Сегодня. Вечером? Прекрасно! Премного благодарна Вам. Я задыхалась. Кругом стояли люди и сочувственно смотрели. Такси, скорей, в аэропорт, в Минводы. Через два часа я там. Опять бегом на поезд. Ночным - в Георгиевск. К рассвету я там. Закончен бег... Я в прошлом, я с тобой...

Мой милый, такой наиполюбимый, драгоценный, один в подлунном мире Георгиевск - обитель несбывшегося счастья, звенящих обещаний, открытий жарких, к Небесам полет с Мечтой вместе... Я к дому нашему пошла. Он там еще. Он мой, дом деда моего, дом счастья и трагедий - этот дом чужой теперь. Я села на скамейку на бульваре напротив дома и разрыдалась.

Не знаю, сколько я сидела, но вдруг калитка отворилась, и женщина в letech тихонько подошла и ласково сказала: "Не плачьте, пошли ко мне, чайку поьем, поговорим. Пойдемте, не стесняйтесь." Я зашла. Наш дом так изменился: из огромной залы три комнатки нагородили и поселили семь семей в обширном доме, где жила одна семья. Что делать - обычное явление для рабов советских после "великой и безкровной"...

"Подождите, - сказала женщина, - я груш Вам принесу из сада. Таких Вы никогда не ели". Через минуту - груши на столе. Я взяла одну и надкусила... Ту грушу дед мой посадил, желта она и слаще меда. Я - в слезы, а женщина стол собрала для чая: вишневое варенье, варенье из черешни желтой, печенье, сушки, пряники, конфеты, пирожки и сахар, сливы, яблоки и груши наши, масло, хлеб и сыр. Пир, да и только. Я ж продолжала плакать. Глядя на меня, заплакала и женщина.

Мы просидели до ночи. Я все ей рассказывала, слезы наши лились рекой. Ее судьба была не краше: разбитая семья, аресты близких, жизнь в одиночестве...

И вдруг она сказала: "Вы знаете, тут у нас старик живет, он очень одинокий и больной, уж скоро отойдет, наверно. Он из военных бывших, воевал в Гражданскую, а я подозреваю - в Добровольческой. Сказал однажды, что в артиллерии служил." Я вздрогнула.

Наутро Вера Павловна сказала: "Хотите, зайдем к соседу? Я каждый день бываю у него, стираю, убираю и готовлю. Он совсем один, так жаль его. Он из этих мест и, может, знал кого из Ваших." Мы постучались. "Войдите," - слабый голос прозвучал. "Федор Сергеевич, с добрым утром. Вот землячка Ваша - Наталья Евгеньевна. Вы разрешите?" - "О, да, конечно. Обязете премного. Прошу прощения за мой вид, не так встречают дам, но мне неможется. Простите же великодушно."

Я как в тумане подхожу, смотрю, узнать стараюсь, боюсь - и узнаю, глазам не верю, кольцо снимаю и говорю: "Скажите, сударь, знакомо ли кольцо Вам это?" Тихий вздох ответом был: "Наташа, ты ли это?"

Передохну минутку...

После Войны Великой мой Федя сражался в Добровольческой. Конечно же, писал родным и мне, но, как и мы, не получал ответов: до мест не доходили письма в тогдашнем аду кровавом. Истощенная боями, разутая, голодная, союзниками преданная и обреченная, армия из добровольцев-

патриотов отступала все дальше к морю, к последним рубежам, ко краю рока...

Там, на краю России, на обрыве Родины Барон Врангель в своей грустной речи благодарил бойцов за службу Родины и говорил: "Сыны мои! Мы потерпели крах. Россия в котях врага. Я, как военный, знаю: борьба проиграна. Для нас есть два пути: остаться здесь, но берегитесь - нет больше Добровольческой любимой нашей армии, никто не защитит от бесов вас. И вот пред вами корабли, и за морем возможная свобода..."

Одни грузились и отплывали в Турцию - в чужой предел, в небытие, в галлипольские лагеря, навек прощаясь с драгоценной Родиной, иные не хотели покидать Россию, хотели вернуться к семьям, хоть и знали, что власти вылавливали Белых и были беспощадны к ним, как бешеные крысы.

Мой Федя решил пробраться на Северный Кавказ к своей семье, ко мне, не раз был на волос от гибели, скрывался в деревнях глухих, молчал и выжидал. Года через два он все-таки вернулся в Георгиевск, но нас там не нашел: мы ж в Пятигорск уехали. Семья его пропала без следа, друзья исчезли... Кругом чужие люди в страхе, чужая жизнь, чужая власть... Жизнь прежняя как провалилась...

Он ушел в забытую деревню к дальним родичам, жил бирюком, чуждался всех. Немного плотничал, возился в огороде, жил как во сне. В Георгиевске редко появлялся, надеясь разузнать о близких, но потом отчаялся. Много позже в Георгиевск вернулся и в жилотдел устроился. А через пару лет, как и планировал, квартиру в моем доме получил: то было счастьем для него. Советской власти, как и раньше, не признавал, но, ясно, не говорил об этом, никто не знал, что у него в душе.

Да, есть такие люди, которые не могут, не хотят, не будут принимать как должное постыдный, безобразный, диктуемый преступниками образ жизни, что был у нас... Но, к сожалению, он не видел и хорошее и хоть немного радоваться жизни никак не мог. Он в прошлое свое ушел, и это прошлое заполнило все его. Он рисовал. По памяти портрет мой написал, матери своей, отца, сестер и братьев. Портретами увешал свою комнату. И, как и я, он свято знал, хоть иногда и сомневался, что прошлое, такое близкое, хоть и давно ушедшее, любимое навек, хоть малейшей частью, в каком-то виде к нему вернется...

Так годы шли. Хворать он стал. Но душа по-прежнему жила в том времени, которое ушло, пропало без возврата. Душа его осталась молодой. Он очутился во времени петле: когда живешь и в прошлом и одновременно в настоящем, и происходит то, что произойти должно, ты это видишь, ощущаешь, проживаешь, но одновременно знаешь, что вернуться туда, где нету этого. Петля времени - вот название подобно явлению. Он верил и не верил, знал - не знал, уверен был и сомневался, был сам собой и не был, жил - не жил. Ответов не искал, знал, что их нет...

Он ждал, и это ожиданье была жизнь его. Не странно ли: он все-таки дождался - я пришла. Вернулась к страдальческой душе его, так жаждавшей свиданья с близким далеким прошлым... Мы были счастливы, за один короткий месяц прожив всю жизнь, украденную мглой...

А через месяц обожаемый мой Федор оставил этот мир, сказав перед уходом: "Наташенька, я знаю твердо, эта жизнь - не все, что нам дано. Нет времени, ибо исчезли годы, что мы жили врозь. Но вечность есть. А горе - лишь разменная монета, чем надо заплатить за счастье хоть иногда почувствовать невыразимое блаженство высоты духовной жизни и за возможность обрести Мечту, что Небеса послали. Мечта эта не гаснет, не может, она всему вершина в сути нашей, как у тебя и у меня. Она не в состоянии исчезнуть, только может замереть на время. Поверь мне, мы не расстаемся, мы встретимся опять, что б ни случилось. Я буду ждать тебя, как ждал всегда. И мы не ошибемся. Жар сердца моего укажет тебе путь ко мне. Знай, в этом грубом, и в то же время очень хрупком мире, есть нечто постоянное, невидимое, чего никто не в силах изменить: Мечта и Дух, стремящийся к слиянию с Мечтой, и для сего нет времени, преград и расстояний. Мы с тобой - Мечта осуществленная, Дар Небес наперекор всему на свете существу. Я с тобой. Я в тебе. В тебе всей и весь, как и ты во мне - вся. Прощай. Я жду тебя..."

Ну, вот, моя девочка. Возьми кольцо о нас на память, но не носи. Не надо все же повторять судьбу мою, что записалась на кольцо - я суеверна. А я уж вскоре, надеюсь, последую за Федей, обожаемым чаровником моим, на встречу новую с своей Мечтой - теперь уж с легким сердцем и навсегда...

Дом Федора Сергеевича на ул. Александровской в Георгиевске.

